

DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41

УДК 316.62

Обзорная статья

Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований

Н.В. Муращенкова

Смоленский государственный университет,
Российская Федерация, 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

Аннотация. На основе данных многочисленных зарубежных исследований анализируются психологические факторы эмиграционных намерений молодежи, рост которых фиксируется сегодня в различных странах мира. Научная значимость данного обзора, с одной стороны, обусловлена недостатком отечественных психологических работ, систематизирующих и популяризирующих соответствующую информацию. С другой стороны, связана с необходимостью в последующем соотнесения результатов зарубежных и отечественных исследований с целью выявления общих надкультурных и специфических психологических факторов, влияющих на эмиграционные намерения молодежи. Рассматриваемые в зарубежных исследованиях психологические движущие силы эмиграционных намерений молодых людей отличаются разнообразием и соответствуют различным уровням функционирования субъекта (индивидуальному, межличностному, макросоциальному). Они соотносятся с общими группами факторов, способствующих эмиграции. С факторами, отражающими *возникающие возможности* для эмиграции, соотносятся позитивное отношение к эмиграции в целом, рассмотрение эмиграции как способа достижения значимых целей, низкая степень привязанности к стране исхода, неудовлетворенность существующими условиями проживания в стране, позитивное отношение к стране предполагаемого переезда. К психологическим факторам, связанным с *наличием социальной поддержки*, относятся воспринимаемая субъектом семейная поддержка его эмиграционной активности и наличие актуальных межличностных контактов за рубежом. С группой факторов, связанных с *ресурсами субъекта* по преодолению возникающих препятствий, соотносятся выраженные карьерные устремления, высокая мотивация власти и достижений, незначимость мотивации аффилиации, экстраверсия, открытость новому опыту, стремление к риску, изменениям и новым впечатлениям, открытость миру и культурным различиям, готовность к взаимодействию с «другими», доверие к другим религиям и национальностям, самоэффективность, способность справляться с амбивалентностью возникающих эмоций и чувств, высокий уровень образования, владение иностранными языками, опыт международной мобильности. Полученные данные могут быть использованы при проведении эмпирических психологических исследований движущих сил эмиграционной активности молодежи России и других стран.

Ключевые слова: эмиграция, молодежь, личность эмигранта, эмиграционные намерения, психологические факторы эмиграционных намерений

© Муращенкова Н.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ».

Введение

Почему проблема изучения психологических факторов эмиграционных намерений молодежи сегодня особенно важна? Эмиграция молодежи – это повсеместное явление, характерное для всех стран мира, будь то страны Европы (Bjarnason, Thorlindsson, 2006; Gajdošová, Orosová, 2019; Meyer, 2018; Orosová et al., 2017; Thulin, Vilhelmson, 2016; Van Dalen, Henkens, 2007, 2013; Wiest, 2016; Williams et al., 2018), государства постсоветского пространства (Bryer et al., 2020; Nugin, 2014; Van Mol et al., 2018), Россия (Kvartiuk et al., 2020; Tartakovsky et al., 2017), Китай (Liu-Farrer, 2016; Xiang, Wei, 2009; Ye, Deng, 2020), США (Marrow, Klekowski von Koppenfels, 2020), страны Южной Америки (Roth, 2012), Африки (Bagraim, 2013; Ossai et al., 2020), Тихоокеанского региона (Gibson, McKenzie, 2011) и др. Высокий уровень эмиграционной активности молодежи как в странах с низким, так и с высоким уровнем дохода ставит под сомнение доминанту экономической составляющей мотивации потенциальных эмигрантов и стимулирует обращение к анализу вероятных психологических факторов соответствующего поведения. В то же время эмпирические результаты (Tabor et al., 2015) показывают, что среди молодежи тех, кто реально *готовится* к переезду и совершает его, гораздо меньше, нежели тех, кто высказывается о *желании* эмигрировать. В связи с этим вопрос, сформулированный А. Портесом еще в 1976 году (Portes, 1976) (почему, когда эмиграция так привлекательна, на самом деле уезжает так мало специалистов?), не теряет актуальности сегодня и подтверждает значимость изучения именно психологических драйверов эмиграционных намерений для прогнозирования и профилактики соответствующего поведения среди молодежи. Знание психологических особенностей потенциальных эмигрантов позволяет также прогнозировать вероятные изменения в стране исхода вследствие утраты определенной категории людей в результате их переезда (Berlinschi, Narutyunyan, 2019; Voneva, Frieze, 2001). Так, инвестиции, торговля, внедрение новых технологий, могут быть очень чувствительны к уходу людей с высоким уровнем общего доверия и склонностью к риску. Эмиграция людей с низкой терпимостью к коррупции и обману может привести к тому, что негативные поведенческие нормы в стране исхода будут усилены. А в ситуации выраженности политических мотивов переезда и значимости собственной политической приверженности для потенциальных эмигрантов их отъезд может изменить политические группы и расстановку сил в странах происхождения. И это только часть возможных изменений в странах исхода, отмечаемая учеными, наряду с традиционной «утечкой умов» (Orosová et al., 2018) и менее традиционной, но все чаще описываемой «утечкой счастья» (Ivlevs, 2015; Helliwell et al., 2018; Polgreen, Simpson, 2011).

Задачей данной статьи является ответ на вопрос о том, какие элементы могут быть включены в систему психологических факторов эмиграционных

намерений молодежи на основе данных современных зарубежных эмпирических исследований? Обзор эмпирических научных работ в данной области необходим, что обусловлено рядом причин: значительным количеством зарубежных исследований в данной области и недостатком современных отечественных психологических работ, систематизирующих и популяризирующих представленную в этих исследованиях информацию; научной актуальностью подобного обзора в связи с потенциальной возможностью и значимостью соотнесения результатов зарубежных и отечественных исследований с целью выявления общих надкультурных и специфических психологических факторов, влияющих на эмиграционные намерения молодежи.

Молодежь в фокусе внимания зарубежных исследований эмиграционных намерений

При изучении психологических факторов эмиграционной активности одни зарубежные ученые держат в фокусе внимания разнородные выборки (Andresen, Margenfeld, 2015), другие изучают отдельные возрастные и/или социальные когорты (De Jong, Fonseca, 2020; Hooijen et al., 2020; Remhof et al., 2014; Van Mol, 2016; Williams et al., 2018). Целый пласт исследований в зарубежной психологии посвящен эмиграционным намерениям *молодежи* (Agadjanian et al., 2008; Begović et al., 2020; Boneva, Frieze, 2001; Bryer et al., 2020; Cairns, Smyth, 2011; Canache et al., 2013; De Jong, Fonseca, 2020; Gajdošová, Orosová, 2019; Hooijen et al., 2020; Marsiglia et al., 2011; Orosová et al., 2018; Paulauskaitė et al., 2010; Remhof et al., 2014; Tartakovsky et al., 2017; Tong et al., 2020 и др.). Такое внимание не случайно и связано с тем, что наибольшее стремление к эмиграции демонстрируют именно молодые образованные люди (Thulin, Vilhelmson, 2016), студенты и выпускники университетов (Bernardini-Zambrini et al., 2011; Gajdošová, Orosová, 2019; Remhof et al., 2014), особенно при переходе от высшего образования к трудоустройству (De Jong, Fonseca, 2020; Hoppe, Fujishiro, 2015; Ossai et al., 2020). У студентов целесообразно изучать именно эмиграционные намерения, так как реализовать эмиграционное поведение они еще не могут в силу объективных причин (Gajdošová, Orosová, 2019). У выпускников же вероятность реализации эмиграционных намерений наиболее высока в первые два года после окончания обучения (Hoppe, Fujishiro, 2015). Возрастной интервал от 18 до 25 лет – это фаза жизненного пути, на которой будущее определено в минимальной степени, изменения происходят особенно интенсивно, а для реализации возможны множественные жизненные траектории и пути (Arnett, 2000). Эмиграционные намерения молодых людей в возрасте 18–25 лет особенно подвижны в силу более высокого уровня неопределенности на данном этапе жизни в сравнении с более поздними периодами (Dommermuth, Klüsener, 2018). В связи с этим возможность прогнозирования формирования эмиграционных намерений у молодых людей на основе знания психологических детерминант данных намерений создает дополнительные возможности профилактики эмиграционной активности среди молодежи и сохранения тем самым ценного социального капитала на уровне страны.

Движущие силы формирования эмиграционных намерений молодежи

В зарубежной науке сегодня ученые, анализируя факторы и детерминанты эмиграционной активности молодежи, чаще говорят о *движущих силах* (Bryer et al., 2020; Hoppe, Fujishiro, 2015; Van Hear et al., 2018). Более глубокое понимание психологических движущих сил формирования эмиграционных намерений у молодых людей возможно при условии учета многоаспектности международной мобильности, которая может иметь для индивидов как самоценное, так и инструментальное значение (Carling, Collins, 2018). С этой позиции можно выделить три группы потенциальных добровольных эмигрантов. Для первой будет характерно позитивное отношение к эмиграции как к самоцели, ценностное отношение к мобильности вообще, как к стилю и образу жизни (Hoppe, Fujishiro, 2015), тяга к приключениям, опыту и независимости (Carling, Collins, 2018). Для второй группы потенциальных эмигрантов международная мобильность – это средство, поведение, позволяющее решать значимые задачи, удовлетворять актуальные потребности (Carling, Collins, 2018), реализовывать жизненные устремления (Carling, Schewel, 2018; De Haas, 2014; Dommermuth, Klüsener, 2018; Kley, 2017). Для представителей третьей группы добровольных эмигрантов присуще сочетание характеристик, описанных для первых двух групп, то есть они демонстрируют как ценностное отношение к эмиграции как самоцели, так и ценностное отношение к ее инструментальным возможностям (Carling, Collins, 2018).

Сегодня эмиграция молодежи все чаще рассматривается зарубежными учеными как непрерывный процесс субъективного становления (Carling, Collins, 2018; Collins, 2018), в ходе которого воедино сводятся прошлое, настоящее и будущее субъекта, а эмиграционные намерения становятся частью личностных проектов идентичности, содержащих ответы на вопросы «кем я хочу быть?» и «где я хочу быть?». Когда речь идет о молодежи, ведущей движущей силой эмиграционной активности становится тема карьеры, трудоустройства и профессионального развития (Bernardini-Zambrini et al., 2011; Bryer et al., 2020; Frieze et al., 2004; Hooijen et al., 2020). Из всех студентов в большей степени ориентированы на эмиграцию, как правило, те, в жизненных приоритетах которых на первом месте стоят карьерные ориентации и работа (Frieze et al., 2004.; Frieze et al., 2006; Kvartiuk et al., 2020). Б. Бонева и И. Фриз (Boneva, Frieze, 2001) отмечают, что для европейских студентов с эмиграционными намерениями характерен комплекс личностных характеристик («синдром личности мигранта»), отличающих их от тех, кто желает остаться в стране проживания. К этим характеристикам они относят бóльшую ориентацию на работу, нежели на семью, выраженную мотивацию власти (значимость контроля и влияния на других, желание произвести впечатление и получить признание) и достижений (стремление превзойти себя, сделать что-то интересное и уникальное), а также низкий уровень мотивации аффилиации (желания устанавливать и поддерживать межличностные отношения) (Boneva, Frieze, 2001). Значимость мотивации достижения в эмиграционной активности молодежи находит свое подтверждение и в исследовании, проведенном на латиноамериканской выборке (Gra-

ham, Markowitz, 2011), согласно которому потенциальные эмигранты – это люди с выраженными устремлениями достижений, но разочарованные невозможностью реализации своих планов в стране проживания. У американских студентов выявлена положительная связь между мотивацией достижения и планами обучения за границей (Li et al., 2013).

Изучая личностную обусловленность эмиграционной активности молодежи, современные зарубежные ученые часто обращаются к пятифакторной (Big Five) модели (Canache et al., 2013; Fouarge et al., 2019; Jokela et al., 2008; Jokela, 2009; Jokela, 2014; Paulauskaitė et al., 2010; Tabor et al., 2015). Отмечается положительная связь эмиграционных намерений молодежи с открытостью новому опыту и экстраверсией (Canache et al., 2013; Paulauskaitė et al., 2010; Remhof et al., 2014). Доброжелательность, добросовестность и нейротизм, как правило, оказываются отрицательно связаны с эмиграционными намерениями (Fouarge, Seegers, 2019; Paulauskaitė et al., 2010). Однако в некоторых исследованиях выявлена положительная связь эмиграционных намерений с нейротизмом у мужчин (Silventoinen et al., 2008; Tabor et al., 2015).

Значимую роль открытости новому опыту в обусловленности эмиграционных намерений молодежи подтверждают исследования, выявляющие позитивную связь между эмиграционными намерениями и стремлениями к изменениям и новым впечатлениям (Orosova et al., 2018; Van Dalen, Henkens, 2013), а также работы, рассматривающие склонность к риску и поиску приключений как движущую силу эмиграционной активности молодежи (Berlinschi, Narutyunyan, 2019; Dohmen et al., 2007; Van Dalen, Henkens, 2013; Williams, Baláž, 2012; Williams et al., 2018). Ученые отмечают (Dohmen et al., 2007), что отношение к риску может стать фактором готовности личности погрузиться в другую культуру. А значимым фактором вовлечения субъекта в эмиграционное поведение, по результатам зарубежных исследований (Gajdošová, Orosova, 2019; Hoppe, Fujishiro, 2015; Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011; Van Dalen, Henkens 2013), является общая самооффективность личности как фактор вероятности попадания субъекта в незнакомые ситуации.

Зарубежные исследователи отмечают положительную связь эмиграционных намерений с уровнем образования молодых людей (Ferreira et al., 2020; Kooiman et al., 2018; Marrow et al., 2020; Miller et al., 2002), уровнем их профессиональной квалификации (Van Dalen, Henkens, 2013), со знанием иностранных языков (Froese et al., 2013; Marrow et al., 2020), с предыдущим опытом международной мобильности (путешествия, туристические поездки, стажировки, обучение, проживание за границей) (Berlinschi, Narutyunyan, 2019; Ivlevs, King, 2012; Froese, et al., 2013; Hooijen et al., 2020; Kooiman et al., 2018; Marrow et al., 2020; Parsons et al., 2012; Tabor et al., 2015) и отрицательную связь с возрастом (Begović et al., 2020; Berlinschi, Narutyunyan, 2019; Tartakovsky et al., 2017).

Пространство психологических факторов эмиграционных намерений молодежи включает в себя и разные типы идентичности. Так, вполне ожидаемо, что выраженная гражданская идентичность имеет отрицательную связь с эмиграционными намерениями (Marrow et al., 2020) и наоборот – высокая неопределенность гражданской идентичности усиливает намерения эмигри-

ровать (Jung et al., 2019). Существуют исследования, определяющие роль этнической идентичности в развитии намерений международной мобильности (Agadjanian et al., 2008; Caron, 2020; Tartakovsky et al., 2017; Ye, Deng 2020). Так, на выборке евреев, проживающих в России, обнаружено косвенное влияние этнической идентичности на эмиграционные намерения за счет ее позитивной связи с отношением к Израилю – стране предполагаемой эмиграции (Tartakovsky et al., 2017). Предикторами эмиграционных намерений могут являться принадлежность к этническому меньшинству и воспринимаемая дискриминация (Caron, 2020). На выборке молодежи Кыргызстана (Agadjanian et al., 2008) обнаружены этнически обусловленные специфические типы эмиграционных предпочтений: выявлено, что европейцы в большей степени склонны к эмиграции, нежели азиаты. К тому же азиаты в большей степени ориентированы на временную эмиграцию, а европейцы – на постоянную (Agadjanian et al., 2008). Такой показатель, как уровень религиозности, отрицательно связан с выраженностью эмиграционных намерений (Docquier et al., 2020; Frieze et al., 2006; Gajdošová, Orosová, 2019; Tartakovsky et al., 2017). В частности, в исследовании, проведенном в девяти исламских странах (Falco, Rotondi, 2016), выявлено, что люди, придерживающиеся более радикальных взглядов, менее склонны к эмиграции.

В современных условиях глобализации и конструирования множественных идентичностей (Arnett, 2002) ученых также интересует вопрос связи эмиграционной активности с таким феноменом, как космополитизм. На выборке немцев и корейцев (Froese et al., 2013) была подтверждена гипотеза о том, что космополитизм является значимым предиктором готовности индивидов к работе за рубежом. При этом космополитизм рассматривался как сознательная открытость миру и культурным различиям (Skrbis et al., 2004) и готовность к взаимодействию с «другими» (Hannerz, 1992). Немаловажную роль в проявлении эмиграционной активности молодежи играют также культурная гибкость и культурная чувствительность (Froese et al., 2013) и уровень доверия к другим религиям и национальностям (Berlinschi, Harutyunyan, 2019).

Эмиграционные намерения молодежи демонстрируют тесную связь с отношением к стране исхода и стране предполагаемого пребывания, с удовлетворенностью теми условиями, которые предлагают эти страны (Nghiêm-Phú, Nguyễn, 2020; Tartakovsky et al., 2017). С выраженными эмиграционными намерениями, как правило, связано негативное отношение к стране проживания и позитивное отношение к стране предполагаемого переезда (Tartakovsky et al., 2017). Особую роль при формировании отношения к стране исхода и стране назначения играют социально-политические установки и ценности субъектов и оценка окружающей социальной среды, исходя из них (Berggren et al., 2020; Crisan et al., 2019; Ploeanu et al., 2018). Важнейшим выталкивающим фактором из страны, стимулирующим возникновение эмиграционных намерений, является неудовлетворенность качеством государственных услуг и высокий уровень коррупции (Begović et al., 2020), а также неудовлетворенность демократическими институтами (Berlinschi, Harutyunyan, 2019). Чаще о вероятности собственной эмиграции высказываются молодые европейцы, низко оценивающие качество предоставляемых в стране прожи-

вания государственных услуг (Williams et al., 2018), считающие, что уровень коррупции в ней очень высок (Williams et al., 2018), а государственные власти не заслуживают уважения (Berlinschi, Harutyunyan, 2019). Именно неудовлетворенность качеством окружающей среды и проблемами в обществе, а не разочарование в частных условиях жизни, становится значимым предиктором эмиграционных намерений молодежи в странах с высоким уровнем доходов (Van Dalen, Henkens, 2013). В свою очередь, при анализе неэкономических факторов эмиграционной активности на выборке граждан Литвы была обнаружена значимая связь эмиграционных намерений с низкой оценкой качества трудовых отношений (организационный климат, карьерные возможности, возможности для повышения квалификации, условия труда и др.) и низкой уверенностью в будущей личной безопасности. Но не существенными для принятия решения об эмиграции оказались такие параметры, как качество услуг, качество гражданской жизни (свобода и толерантность), качество управления и коррупция. Данные результаты подтверждают значимость учета влияния макросоциального и культурного контекста при рассмотрении движущих сил эмиграционных намерений молодежи (Bryer et al., 2020).

В целом неудовлетворенность жизнью является важным психологическим фактором эмиграционной активности молодежи (Silventoinen et al., 2008). Для лиц с более высоким уровнем субъективного благополучия, как правило, характерны менее выраженные желания международной миграции (Cai et al., 2014). Отрицательная связь субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью обнаружена на европейской (Otrachshenko, Popova, 2014) и латиноамериканской выборках (Graham, Markowitz, 2011). Однако А. Ивлевс (Ivlevs, 2015), опираясь на данные опроса представителей 35 стран Европы и Центральной Азии, утверждает, что связь между удовлетворенностью жизнью и эмиграционными намерениями имеет U-образный характер. То есть с большей вероятностью высказывают намерения международной мобильности люди с наибольшей и наименьшей удовлетворенностью жизнью. Л. Полгрин и Н. Симпсон (Polgreen, Simpson, 2011), в свою очередь, обнаружили, что самые высокие темпы эмиграции характерны для наиболее и наименее благополучных стран.

Психологическими факторами, сдерживающими эмиграционную активность молодежи, согласно данным исследований, являются высокая степень привязанности к стране и месту проживания (Bagraim, 2013; Hooijen et al., 2020), высокая степень организационной приверженности (Miller et al., 2002), высокая степень привязанности к семье, партнеру, друзьям (Frieze et al., 2006; Gajdošová, Orosová, 2019; Hooijen et al., 2020), удовлетворенность домом/семьей (Gajdošová, Orosová, 2019). Те студенты, которые указывают на значимость взаимоотношений с друзьями и родственниками, с меньшей вероятностью отмечают возможность собственной эмиграции (Kvartiuk et al., 2020). Однако, семейная среда может играть значимую роль и в *формировании и развитии* эмиграционных намерений. Она *априори* может являться пространством подготовки молодых людей к международной миграции в будущем (Ivlevs, King, 2012; Marsiglia et al., 2011; Tong et al., 2020). Так, ис-

пользуя понятие «миграционный капитал семьи», исследователи (Ivlevs, King, 2012) отмечают, что дети из семей бывших мигрантов чаще потом осуществляют самостоятельный переезд, нежели люди без подобного опыта. В отдельных странах, например в Ирландии, отмечается и такое явление, как поколенческая культура миграции (Moriarty et al., 2015). Научные исследования, проведенные в Мексике (Marsiglia et al., 2011), Китае (Liu-Farrer, 2016; Tong et al., 2020), Германии (Wiest, 2016), демонстрируют своеобразие стилей семейного воспитания, семейной коммуникации, семейного дискурса в условиях целенаправленного планирования родителями будущей эмиграции собственных детей. В целом высокий уровень образования и профессионализации родителей рассматривается как предиктор выраженности эмиграционных намерений детей (Labrianidis, Sykas, 2017; Xiang, Wei, 2009). Данный вопрос тесно связан с темой отношения к эмиграции как к явлению. Эмпирические данные показывают (Orosová et al., 2018), что рассмотрение студентами эмиграции как нормального поведения и соответствующее позитивное отношение к ней при наличии у молодых людей стремления к изменениям может стать предиктором их эмиграционных намерений.

Многие зарубежные исследования посвящены выявлению роли социальных сетей за границей в развитии эмиграционных намерений молодежи (Cairns, Smyth, 2011; Docquier et al., 2014; Manchin, Orazbayev, 2018; Miller et al., 2002; Van Dalen, Henkens, 2013). Так, на основе опроса, проводившегося в течение нескольких лет более чем в 150 странах, изучалось влияние социальных сетей на намерения людей мигрировать на международном и местном уровнях (Manchin, Orazbayev, 2018). Выделялись близкие социальные сети (семья и друзья) за границей и в месте проживания и широкие социальные сети (жители той же страны с намерением эмиграции или внутренней миграции). В результате было обнаружено, что социальные сети за границей являются наиболее важной движущей силой эмиграционных намерений, чем факторы, связанные с работой или благосостоянием (Manchin, Orazbayev, 2018). Одни ученые (Docquier et al., 2014; Miller et al., 2002) обосновывают, что наличие социальных связей с эмигрантами является ключевым фактором развития эмиграционных намерений, другие (Boneva, Frieze, 2001) отмечают, что социальные сети в стране назначения стимулируют эмиграционное поведение только в том случае, если у личности уже есть выраженное желание эмигрировать. Но в целом исследования показывают, что молодые люди, демонстрирующие эмиграционные намерения, *чаще* имеют друзей и родственников за рубежом, нежели те, у кого эти намерения отсутствуют (Cairns, Smyth, 2011; Van Dalen, Henkens, 2013).

Отдельно стоит коснуться исследований, посвященных изучению эмоциональных аспектов принятия решения об эмиграции (Boccagni, Baldassar, 2015; Ho, 2014; Mai, King, 2009). Эмоции стимулируют и сопровождают процесс эмиграции. Ученые затрагивают такие темы, как роль любви, привязанности и сексуальных отношений в планировании эмиграции (Mai, King, 2009), изучение развития эмоциональной жизни мигрантов в процессе планирования и осуществления мобильности (Boccagni, Baldassar, 2015), способы совладания с амбивалентными, конфликтующими эмоциями (Gallo, 2014).

Отмечается перспектива междисциплинарного подхода к исследованию эмоциональной сферы потенциальных эмигрантов (учет индивидуально-психологического, социального, культурного, транснационального аспектов эмоциональной жизни и способов эмоционального реагирования) (Vocogni, Baldassar, 2015). При попытке соединить внутриличностный и межличностный подходы при изучении роли эмоций в контексте эмиграции ученые рассматриваются их как мост через пороговое пространство между индивидом и его социальным окружением (Zembylas, 2012), как основное звено между макро- и микроуровнями социальной реальности (Turner, Stets, 2005), как социально сконструированные элементы (Vocogni, Baldassar, 2015; Voiger, Mesquita, 2012; Stets, 2010). Игнорировать эмоциональные факторы при оценке движущих сил эмиграционных намерений субъектов невозможно. Две области научных исследований (изучение эмиграции и изучение эмоций) имеют двустороннюю взаимосвязь и взаимовлияние друг на друга. С одной стороны, ученые (Vocogni, Baldassar, 2015) указывают на то, что сам процесс международной мобильности является мощным катализатором изменений в эмоциональной жизни субъектов, что позволяет изучать эмоции «в движении». С другой стороны, эмоции являются теми движущими силами, которые позволяют глубже понять сам процесс принятия решения об эмиграции и наметить пути поддержки потенциальных эмигрантов на всех этапах осуществления запланированного (Vocogni, Baldassar, 2015). Для психологии эмиграции характерно обращение к таким сложным, контрастирующим эмоциям и чувствам, как надежда, ностальгия, вина, эйфория, страх, тревога, привязанность, отчаяние и другие. Главный тезис, с которым соглашаются исследователи эмоциональных аспектов эмиграции, таков: эмоциональная сфера потенциальных и реальных эмигрантов является сложной, многогранной, часто противоречивой и амбивалентной (Vocogni, Baldassar, 2015). Отношения потенциальных эмигрантов со своим домом, местом проживания, местом потенциальной эмиграции, так же как и вопросы принадлежности и идентичности потенциального эмигранта, всегда аффективно заряжены. Само пребывание в состоянии планирования переезда за границу уже предполагает некоторую эмоциональную напряженность в отношении эмоциональных связей с субъектами и объектами «здесь» и «там» (Vocogni, Baldassar, 2015). Типовым образцом эмоционального опыта потенциального эмигранта и примером амбивалентности испытываемых чувств может служить состояние, характеризующееся одновременным переживанием влечения, радости и надежды на лучшую жизнь за границей в будущем в сочетании со страхом, тревогой, беспокойством относительно реализации задуманного и последующей адаптацией на новом месте, а также виной перед близкими и родными, которые остаются (Vocogni, Baldassar, 2015).

Таким образом, проведенный обзор показывает, что поле психологических факторов эмиграционных намерений молодежи довольно широко и включает значительное число элементов, соответствующих индивидуальному, межличностному и макросоциальному уровням. Учет данных факторов позволяет глубже понять сам процесс принятия и осуществления решения о международной мобильности, прогнозировать эмиграционное поведение мо-

лодежи, проводить грамотную и эффективную психологическую поддержку молодых людей, находящихся на различных этапах планирования и реализации переезда за границу.

Заключение

Проведенный обзор зарубежных исследований позволяет сделать вывод о том, что представленные в них психологические факторы эмиграционных намерений отличаются значительным разнообразием, соответствуют различным уровням функционирования субъекта (индивидуальному, межличностному и макросоциальному) и могут быть соотнесены с выделяемыми С. Клэй (Kley, 2017) обобщенными группами факторов, способствующих эмиграции. С первой группой факторов, отражающей *возникающие возможности* для эмиграции (Kley, 2017), связаны такие психологические движущие силы эмиграционных намерений молодежи, как позитивное отношение личности к эмиграции в целом, рассмотрение эмиграции как способа достижения значимых целей, низкая степень привязанности к стране исхода, неудовлетворенность существующими условиями проживания в стране, позитивное отношение к стране предполагаемого переезда. Вторая группа включает факторы, связанные с наличием *социальной поддержки* (Kley, 2017). К ней могут быть отнесены такие социально-психологические факторы эмиграционных намерений, как воспринимаемая личностью семейная поддержка ее эмиграционной активности, наличие широкой сети актуальных межличностных контактов за рубежом. Третью группу факторов, способствующих эмиграции, составляют *ресурсы субъекта* для преодоления возникающих препятствий (Kley, 2017). В качестве психологических предикторов эмиграционных намерений молодежи здесь могут выступать такие характеристики, как выраженные карьерные устремления, высокая мотивация власти и достижений, незначимость мотивации аффилиации, экстраверсия, открытость новому опыту, стремление к риску, изменениям и новым впечатлениям, открытость миру и культурным различиям, готовность к взаимодействию с «другими», высокий уровень доверия к другим религиям и национальностям, самооффективность личности, способность справляться с амбивалентностью возникающих эмоций и чувств, высокий уровень образования, владение иностранными языками, систематизация и интеграция знаний и навыков, полученных в результате опыта международной мобильности.

Полученные данные могут быть использованы при организации и проведении эмпирических психологических исследований движущих сил эмиграционной активности молодежи России и других стран. Некоторым ограничением проведенного теоретического обзора является *общий подход* к анализу психологических факторов эмиграционных намерений молодежи. Дифференцированный анализ с целью выявления общих надкультурных и культурно-специфических (характерных для молодежи конкретных стран) психологических факторов эмиграционных намерений молодежи будет реализован в процессе проводимого автором с коллегами эмпирического исследования, в задачи которого входит кросс-культурный анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи России, Беларуси и Казахстана.

Список литературы

Ссылки на источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

История статьи:

Поступила в редакцию: 23 ноября 2020 г.

Принята к печати: 15 февраля 2021 г.

Для цитирования:

Муращенкова Н.В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 25–41. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41>

Сведения об авторе:

Муращенкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, eLIBRARY SPIN-код: 2093-6023. E-mail: ncel@yandex.ru.

DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41

Review article

Psychological Factors of Youth Emigration Intentions: A Review of International Studies

Nadezhda V. Murashcenkova

Smolensk State University,
4 Przhhevsky St, Smolensk, 214000, Russian Federation

Abstract. The psychological factors of the emigration intentions of young people, the growth of which is observed today in various countries of the world, are analysed based on the data of numerous international studies. The scientific significance of this analysis, on the one hand, is due to the lack of Russian psychological works that systematize and popularize the relevant information, on the other hand, it is associated with the need to subsequently correlate the results of international and Russian studies in order to identify common supra-cultural and specific psychological factors that affect the emigration intentions of young people. The psychological driving forces of the emigration intentions of young people considered in international studies are diverse and correspond to different levels of personality activity (individual, interpersonal and macrosocial). They correlate with general groups of factors contributing to emigration. The factors reflecting *the emerging opportunities* for emigration are related to positive attitudes towards emigration in general, the consideration of emigration as a way to achieve significant goals, a low degree of attachment to the country of origin, dissatisfaction with the existing living conditions, and positive attitudes towards the country where young people intend to move to. The psychological factors associated with *the availability of social support* include the support they receive from their families as well as relevant interpersonal contacts they have abroad. The group of factors related to *personal resources* for overcoming emerging obstacles correlates with expressed career aspirations, high motivation for power and achievements, insignificant motivation for affiliation, extraversion, openness to

new experience, desire for risk, change and new impressions, openness to the world and cultural differences, readiness to interaction with “others”, faith in other religions and nationalities, self-efficacy, ability to cope with the ambivalence of emerging emotions and feelings, a high level of education, proficiency in foreign languages, and experience of international mobility. The obtained data can be used to conduct empirical psychological studies on the driving forces of the emigration activity of young people in Russia and other countries.

Key words: emigration, young people, emigrant’s personality, emigration intentions, psychological factors

Acknowledgements and Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 20-013-00156 “Social and psychological space of emigration intentions of youth: cross-cultural analysis”.

References

- Agadjanian, V., Nedoluzhko, L., & Kumskov, G. (2008). Eager to Leave? Intentions to Migrate Abroad among Young People in Kyrgyzstan. *International Migration Review*, 42(3), 620–651. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2008.00140.x>
- Andresen, M., & Margenfeld, J. (2015). International relocation mobility readiness and its antecedents. *Journal of Managerial Psychology*, 30(3), 234–249. <https://doi.org/10.1108/JMP-11-2012-0362>
- Arnett, J.J. (2000). Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 55(5), 469–480. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.5.469>
- Arnett, J.J. (2002). The psychology of globalization. *American Psychologist*, 57(10), 774–783. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.57.10.774>
- Bagraim, J. (2013). Commitment and the emigration intentions of South African professional nurses. *Health SA Gesondheid*, 18(1), 1–7. <https://doi.org/10.4102/HSAG.V18I1.512>
- Begović, S., Lazović-Pita, L., Pijalović, V. & Baskot, B. (2020). An investigation of determinants of youth propensity to emigrate from Bosnia and Herzegovina. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 33(1), 2574–2590. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2020.1754267>
- Berggren, N., Bergh, A., Bjørnskov, C., & Tanaka, S. (2020). Migrants and Life Satisfaction: The Role of the Country of Origin and the Country of Residence. *Kyklos*, 73(3), 436–463. <https://doi.org/10.1111/kykl.12225>
- Berlinschi, R., & Harutyunyan, A. (2019). Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States. *International Migration Review*, 53(3), 831–868. <https://doi.org/10.1177/0197918318777745>
- Bernardini-Zambrini, D., Barengo, N., Bardach, A., Hanna, M., & Núñez, J.M. (2011). Emigrate or not? How would the next Spanish generation of physicians decide? A study on emigration-related reasons and motivations of advanced medical students in 11 Universities in Spain. *Aten Primaria*, 43(5), 222–226. <https://doi.org/10.1016/j.aprim.2010.01.017>
- Bjarnason, T., & Thorlindsson, T. (2006). Should I Stay or Should I Go? Migration Expectations Among Youth in Icelandic Fishing and Farming Communities. *Journal of Rural Studies*, 22(3), 290–300. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2005.09.004>
- Boccagni, P., & Baldassar, L. (2015). Emotions on the move: Mapping the emergent field of emotion and migration. *Emotion, Space and Society*, 16, 73–80. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2015.06.009>
- Boiger, M., & Mesquita, B. (2012). The Construction of Emotion in Interactions, Relationships, and Cultures. *Emotion Review*, 4(3), 221–229. <https://doi.org/10.1177/1754073912439765>
- Boneva, B.S., & Frieze, I.H. (2001). Toward a concept of a migrant personality. *Journal of Social Issues*, 57, 477–491. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00224>
- Bryer, T.A., Rauleckas, R., Murealeedharan, V., Butkevicienė, E., Vaičiūnienė, J., ... & Miežanskienė, R. (2020). Non-economic emigration factors that might be

- pushing citizens out of Lithuania. *Public Policy and Administration*, 19(1), 35–52. <https://doi.org/10.5755/j01.ppa.19.1.25114>
- Cai, R., Esipova, N., Oppenheimer, M., & Feng, S. (2014). International migration desires related to subjective well-being. *IZA Journal of Migration*, 3(8), 1–20. <https://doi.org/10.1186/2193-9039-3-8>
- Cairns, D., & Smyth, J. (2011). I wouldn't mind moving actually: Exploring Student Mobility in Northern Ireland. *International Migration*, 49(2), 135–161. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2009.00533.x>
- Canache, D., Hayes, M., Mondak, J.J., & Wals, S.C. (2013). Openness, extraversion and the intention to emigrate. *Journal of Research in Personality*, 47(4), 351–355. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.02.008>
- Carling, J., & Collins, F. (2018). Aspiration, desire and drivers of migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(6), 909–926. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384134>
- Carling, J., & Schewel, K. (2018). Revisiting Aspiration and Ability in International Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(6), 945–963. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384146>
- Caron, L. (2020). An Intergenerational Perspective on (Re)Migration: Return and Onward Mobility Intentions across Immigrant Generations. *International Migration Review*, 54(3), 820–852. <https://doi.org/10.1177/0197918319885646>
- Collins, F.L. (2018). Desire as a Theory for Migration Studies: Temporality, Assemblage and Becoming in the Narratives of Migrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(6), 964–980. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384147>
- Crisan, E.L., Crisan-Mitra, C., & Dragos, C. (2019). The Impact on Migration Intentions of Perceived Corruption at the Organizational and Country Level in Romania. *Eastern European Economics*, 57(5), 430–455. <https://doi.org/10.1080/00128775.2018.1533410>
- De Haas, H. (2014). Migration theory: Quo vadis? Oxford: IMI Working Paper Series 100.
- De Jong, P.W., & Fonseca, M.L. (2020). The role of the origin country in migration aspirations: A cross-national comparison of Master students in Portugal and the Netherlands. *Population Space and Place*, 26(5), 1–14. <https://doi.org/10.1002/psp.2325>
- Docquier, F., Peri, G., & Ruysen, I. (2014). The Cross-country Determinants of Potential and Actual Migration. *International Migration Review*, 48(1) (suppl.): Special Anniversary Issue), 37–99. https://doi.org/10.1142/9789814719902_0012
- Docquier, F., Tansel, A., & Turati, R. (2020). Do Emigrants Self-Select Along Cultural Traits? Evidence from the MENA Countries. *International Migration Review*, 54(2), 388–422. <https://doi.org/10.1177/0197918319849011>
- Dohmen, T., Falk, A., Huffman, D., Jaeger, D., Sunde U., & Bonin, H. (2007). Direct Evidence on Risk Attitudes and Migration. *The Review of Economics and Statistics*, 92(3), 684–689. <https://doi.org/10.2307/27867569>
- Dommermuth, L., & Klüsener, S. (2018). Formation and realisation of moving intentions across the adult life course. *Population Place and Space*, 25(5), 1–24. <https://doi.org/10.1002/psp.2212>
- Falco, C., & Rotondi, V. (2016). The Less Extreme, the More You Leave: Radical Islam and Willingness to Migrate. *World Development*, 88, 122–133. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.07.017>
- Ferreira, P.L., Raposo, V., Tavares, A.I., & Correia, T. (2020). Drivers for emigration among healthcare professionals: Testing an analytical model in a primary healthcare setting. *Health Policy*, 124(7), 751–757. <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2020.04.009>
- Fouarge, D., Özer, M., & Seegers, P. (2019). Personality traits, migration intentions, and cultural distance. *Papers in Regional Science*, 98(6), 2425–2454. <https://doi.org/10.1111/pirs.12468>
- Frieze, I., Boneva, B., Sarlija, N., Horvat, J., Ferligoj, A., ... & Jarosova, E. (2004). Psychological Differences in Stayers and Leavers: Emigration Desires in Central and Eastern European

- University Students. *European Psychologist*, 9(1), 15–23. <https://doi.org/10.1027/1016-9040.9.1.15>
- Frieze, I.H., Hansen, S.B., & Boneva, B. (2006). The migrant personality and college students' plans for geographic mobility. *Journal of Environmental Psychology*, 26, 170–177.
- Froese, F.J., Jommersbach, S., & Klautzsch, E. (2013). Cosmopolitan career choices: a cross-cultural study of job candidates' expatriation willingness. *International Journal of Human Resource Management*, 24(17), 3247–3261. <https://doi.org/10.1080/09585192.2013.770782>
- Gajdošová, B., & Orosová, O. (2019). Selected psychological factors in relation to emigration intentions of voluntary permanent migration of university students. *Ceskoslovenska Psychologie*, 63(3), 249–264.
- Gallo, E. (2014). The irony of kinship migration and the control of emotions among Malayalis. *Emotion, Space and Society*, 16. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2014.12.001>
- Gibson, J., & McKenzie, D. (2011). The microeconomic determinants of emigration and return migration of the best and brightest: Evidence from the Pacific. *Journal of Development Economics*, 95(1), 18–29. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2009.11.002>
- Graham, C., & Markowitz, J. (2011). Aspiration and happiness of potential Latin American migrants. *Journal of Social Research and Policy*, 2(2), 9–25.
- Hannerz, U. (1992). *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. New York: Columbia University Press.
- Helliwell, J.F., Huang, H., Wang, S., & Shiple, H. (2018). International Migration and World Happiness. In J. F. Helliwell, R. Layard, J. Sachs (Eds.). *World Happiness Report* (pp. 13–44). New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Ho, E.L.-E. (2014). The Emotional Economy of Migration Driving Mainland Chinese Transnational Sojourning across Migration Regimes. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 46(9), 2212–2227. <https://doi.org/10.1068/a130238p>
- Hooijen, I., Meng, C., & Reinold, J. (2020). Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates. *Population, Space and Place*, 26(5), 1–21. <https://doi.org/10.1002/psp.2313>
- Hoppe, A., & Fujishiro, K. (2015). Relations anticipated job benefits, career aspiration, and generalized self-efficacy as predictors for migration decision-making. *International Journal of Intercultural Relations*, 47, 13–27. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.03.025>
- Ivlevs, A. (2015). Happy Moves? Assessing the Link between Life Satisfaction and Emigration Intentions. *Kyklos*, 68(3), 335–356. <https://doi.org/10.1111/kykl.12086>
- Ivlevs, A., & King, R. M. (2012). Family migration capital and migration intentions. *Journal of Family and Economic*, 33(1), 118–129. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9269-9>
- Jasinskaja-Lahti, I., & Yijälä, A. (2011). The model of pre-aculturative stress – A pre-migration study of potential migrants from Russia to Finland. *International Journal of Intercultural Relations*, 35(4), 499–510. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijintrel.2010.11.003>
- Jokela, M. (2014). Personality and the realization of migration desires. In P.J. Rentfrow (Ed.), *Geographical psychology: Exploring the interaction of environment and behavior* (pp. 71–87). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14272-005>
- Jokela, M. (2009). Personality predicts migration within and between U.S. States. *Journal of Research in Personality*, 43(1), 79–83. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2008.09.005>
- Jokela, M., Elovainio, M., Kivimäki, M., & Keltikangas-Järvinen, L. (2008). Temperament and migration patterns in Finland. *Psychological Science*, 19(9), 831–837. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02164.x>
- Jung, J., Hogg, M.A., Livingstone, A.G., & Choi, H. (2019). From uncertain boundaries to uncertain identity: Effects of entitativity threat on identity-uncertainty and emigration. *Journal of Applied Social Psychology*, 49(10), 623–633. <https://doi.org/10.1111/jasp.12622>
- Kley, S. (2017). Facilitators and constraints at each stage of the migration decision process. *Population Studies*, 71(1) (Supplement), 35–49. <https://doi.org/10.1080/00324728.2017.1359328>

- Kooiman, N., Latten, J., & Bontje, M. (2018). Human capital migration: A longitudinal perspective. *Tijdschrift Voor Sociale en Economische Geografie*, 109(5), 644–660. <https://doi.org/10.1111/tesg.12324>
- Kvartiuk, V., Petrick, M., Bavorova, M., Bednařiková, Z., & Ponkina, E. (2020). A Brain Drain in Russian Agriculture? Migration Sentiments among Skilled Russian Rural Youth. *Europe-Asia Studies*, 72(8), 1352–1377. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1730305>
- Labrianidis, L., & Sykas, T. (2017). Why High School Students Aspire to Emigrate: Evidence From Greece. *Journal of International Migration and Integration*, 18(1), 107–130. <https://doi.org/10.1007/s12134-015-0468-3>
- Li, M., Olson, J.E., & Frieze, I.H. (2013). Students' Study Abroad Plans: The Influence of Motivational and Personality Factors. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*, 23, 73–89. <https://doi.org/10.36366/frontiers.v23i1.330>
- Liu-Farrer, G. (2016). Migration as Class-Based Consumption: The Emigration of the Rich in Contemporary China. *The China Quarterly*, 226, 499–518. <https://doi.org/10.1017/S0305741016000333>
- Mai, N., & King, R. (2009). Love, Sexuality and Migration: Mapping the Issue(s). *Mobilities*, 4(3), 295–307. <https://doi.org/10.1080/17450100903195318>
- Manchin, M., & Orazbayev, S. (2018). Social networks and the intention to migrate. *World Development*, 109, 360–374. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.011>
- Marrow, H., & Klekowski von Koppenfels, A. (2020). Modeling American Migration Aspirations: How Capital, Race, and National Identity Shape Americans' Ideas about Living Abroad. *International Migration Review*, 54(1), 83–119. <https://doi.org/10.1177/0197918318806852>
- Marsiglia, F.F., Kulis, S., Hoffman, S., Calderón-Tena, C.O., Becerra, D., & Alvarez, D. (2011). Migration Intentions and Illicit Substance Use among Youth in Central Mexico. *Subst. Use Misuse*, 46(13), 1619–1627. <https://doi.org/10.3109/10826084.2011.590957>
- Meyer, F. (2018). Navigating Aspirations and Expectations: Adolescents. Considerations of Outmigration From Rural Eastern Germany. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(6), 1032–1049. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384163>
- Miller, K., Haskell, C., & Thatcher, A. (2002). The relationship between intention to emigrate and organisational commitment. *South African Journal of Psychology*, 32(3), 16–20. <http://dx.doi.org/10.1177/008124630203200303>
- Moriarty, E., Wickham, J., Daly, S., & Bobek, A. (2015). Graduate Emigration from Ireland: Navigating New Pathways in Familiar Places. *Irish Journal of Sociology*, 23(2), 71–92. <https://doi.org/10.7227/IJS.23.2.6>
- Nghiêm-Phú, B., & Nguyễn, T.H. (2020). Impacts of perceived country image, institution image and self-image on students intention to study abroad: a study in Hanoi, Vietnam. *Journal of Marketing for Higher Education*, 30(1), 26–44. <https://doi.org/10.1080/08841241.2019.1658146>
- Nugin, R. (2014). I Think That They Should go. Let Them see Something. The Context of Rural Youth's Out-migration in Post-socialist Estonia. *Journal of Rural Studies*, 34, 51–64. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2014.01.003>
- Orosova, O., Benka, J., Hricová, L., & Kulanová, M. (2018). Gender, Rootedness, Normative Beliefs and Emigration Intentions of Slovak University Students. *International Migration*, 56(4), 172–196. <https://doi.org/10.1111/imig.12441>
- Orosova, O., Gajdošová, B., Bačiková, M., Benka, J., Hricová, L., ... & Kalina, O. (2017). *Emigration intentions and risk behaviour among university students*. Košice: P.J. Šafárik University in Košice.
- Ossai, E.N., Una, A., Onyenakazi, R., & Nwonwu, E. (2020). Emigration plans after graduation of clinical medical students of Ebonyi state university Abakaliki, Nigeria: Implications for policy. *Nigerian Journal of Clinical Practice*, 23(7), 995–1003. https://doi.org/10.4103/njcp.njcp_705_19

- Otrachshenko, V., & Popova, O. (2014). Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *Journal of Socio-Economics*, 48, 40–49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>
- Parsons, J., Tabor, A.S., & Fischer, R. (2012). Shelter from the global economic crisis: New Zealand and overseas-born employees' concerns and migration intentions. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 6(2), 48–56. <https://doi.org/10.1017/prp.2012.8>
- Paulauskaitė, E., Šeibokaitė, L., & Endriulaitienė, A. (2010). Big five personality traits linked with migratory intentions in Lithuanian student sample. *International Journal of Psychology: A Biopsychosocial Approach*, 7, 41–58.
- Plopeanu, A.-P., Homocianu, D., Mihăilă, A.A., Crișan, E.L., Bodea, G., ... & Airinei, D. (2018). Exploring the Influence of Personal Motivations' Beliefs and Attitudes on Students' Post-Graduation Migration Intentions: Evidence from Three Major Romanian Universities. *Applied Sciences*, 8(11), 1–22. <https://doi.org/10.3390/app8112121>
- Polgreen, L.A., & Simpson N.B. (2011). Happiness and International Migration. *Journal of Happiness Studies*, 12(5), 819–840. <https://doi.org/10.1007/s10902-010-9229-3>
- Portes, A. (1976). Determinants of the brain drain. *International Migration Review*, 10(4), 489–508. <https://doi.org/10.1177/019791837601000402>
- Remhof, S., Gunkel, M., & Schlaegel, C. (2014). Goodbye Germany! The influence of personality and cognitive factors on the intention to work abroad. *International Journal of Human Resource Management*, 25(16), 2319–2343. <https://doi.org/10.1080/09585192.2014.884613>
- Roth, W.D. (2012). *Race Migrations: Latinos and the Cultural Transformation of Race*. Stanford, CA: Stanford University Press. 254 p.
- Silventoinen, K., Hammar, N., Hedlund, E., Koskenvuo, M., Rönnemaa, T., & Kaprio, J. (2008). Selective international migration by social position, health behaviour and personality. *European Journal of Public Health*, 18(2), 150–155. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm052>
- Skrbis, Z., Kendall, G., & Woodward, I. (2004). Locating Cosmopolitanism: Between Humanist Ideal and Grounded Social Category. *Theory, Culture, and Society*, 21(6), 115–136. <https://doi.org/10.1177/0263276404047418>
- Stets, J.E. (2010). Future Directions in the Sociology of Emotions. *Emotion Review*, 2(3), 265–268. <https://doi.org/10.1177/1754073910361975>
- Tabor, A.S., Milfont, T.L., & Ward, C. (2015). The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions. *New Zealand Journal of Psychology*, 44(2), 89–95.
- Tartakovsky, E., Patrakov, E., & Nikulina, M. (2017). Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of russian jews. *International Journal of Intercultural Relations*, 59, 53–67. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.05.002>
- Thulin, E., & Vilhelmson, B. (2016). The Internet and Desire to Move: The Role of Virtual Practices in the Inspiration Phase of Migration. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 107(3), 257–269. <https://doi.org/10.1111/tesg.12144>
- Tong, G., Persons, E., & Harris, A.L. (2020). Getting ready ahead: socioeconomic status and parenting strategies among Chinese adolescents with emigration intentions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1759404>
- Turner, J., & Stets, J. (2005). *The Sociology of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press. 349 p.
- Van Dalen, H., & Henkens, K. (2013). Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–10. *Population Studies*, 67(2), 225–241. <https://doi.org/10.1080/00324728.2012.725135>
- Van Dalen, H., & Henkens, K. (2007). Longing for the Good Life: Understanding Emigration from a High-Income Country. *Population and Development Review*, 33(1), 37–65. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2007.00158.x>

- Van Hear, N., Bakewell, O., & Long, K. (2018). Push-pull Plus: Reconsidering the Drivers of Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(6), 927–944. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384135>
- Van Mol, C. (2016). Migration aspirations of European youth in times of crisis. *Journal of Youth Studies*, 19(10), 1303–1320. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1166192>
- Van Mol, C., Snel, E., Hemmerechts, K., & Timmerman, C. (2018). Migration Aspirations and Migration Cultures: A Case Study of Ukrainian Migration Towards the European Union. *Population, Place and Space*, 24(5), 1–11. <https://doi.org/10.1002/psp.2131>
- Wiest, K. (2016). Migration and Everyday Discourses: Peripheralisation in Rural Saxony-Anhalt from a Gender Perspective. *Journal of Rural Studies*, 43, 280–290. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.03.003>
- Williams, A.M., & Baláž, V. (2012). Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives. *Population, Space and Place*, 18(2), 167–180. <https://doi.org/10.1002/psp.663>
- Williams, A.M., Jephcote, C., Janta, H., & Li, G. (2018). The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis. *Population, Space and Place*, 24(1), 1–16. <https://doi.org/10.1002/psp.21238>
- Xiang, B., & Wei, S. (2009). International Student Migration and Social Stratification in China. *International Journal of Educational Development*, 29(5), 513–522. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2009.04.006>
- Ye, W., & Deng, N. (2020). Claiming and displaying national identity: A case study of Chinese exchange students in Russia. *Training, Language and Culture*, 4(3), 43–54. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-3-43-54>
- Zembylas, M. (2012). Transnationalism, migration and emotions. *Globalisation, Societies and Education*, 10(2), 163–179. <https://doi.org/10.1080/14767724.2012.647403>

Article history:

Received: 23 November 2020

Revised: 6 February 2021

Accepted: 15 February 2021

For citation:

Murashchenkova, N.V. (2021). Psychological Factors of Youth Emigration Intentions: A Review of International Studies. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(1), 25–41. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41>

Bio note:

Nadezhda V. Murashchenkova, PhD in Psychology, is Associate Professor of the Department of General Psychology of the Smolensk State University (Smolensk, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, eLIBRARY SPIN-код: 2093-6023. E-mail: ncel@yandex.ru.